

рамки социального анализа, материал обнаруживает их неполноту. Если потомкам обитателей раскопанных поселений когда-нибудь суждено стать большими рыцарями или большими крестьянами, это должно быть сопряжено с преобразованием дома, "основополагающей социальной структуры всех крестьянских и крестьянско-аристократических культур"³.

¹ О крестьянах на территории современной Франции около 1000 г. см.: *Bonnassie P. From one servitude to another: the peasantry of the Frankish kingdom at the time of Hugh Capet and Robert the Pious (987–1031)* // *Bonnassie P. From Slavery to Feudalism in South-Western Europe*. Cambridge; P., 1991. P. 288–313.

² *Duby G. La société aux XIe et XIIe siècles dans la région mâconnaise*. P., 1988 (1-е éd. 1953). P. 54, 77.

³ *Brunner O. Das "ganze Haus" und die alteuropäische "Ökonomik"* // *Brunner O. Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte*. Göttingen, 1968. S. 103–127.

И.В. Дубровский

Susan Reynolds

Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted.
Oxford: Oxford University Press, 1994. XII + 544 p.

В глазах поколений историков, феодализм являлся основополагающим понятием общественного быта средневековья. Несравненно меньше единства было и остается в вопросе о том, что под этим следует подразумевать. Хотя понятие кажется сегодня изрядно дискредитированным, и в особенности затруднительно описывать в качестве феодальных средневековые общества в целом, немало исследователей держится мнения, что у слова "феодализм" есть более узкое, техническое значение, в котором его использование оправдано. По распространенному предположению, на эту роль лучше всего годится то, что в разных национальных традициях именуют "the system of feudal and vassal institutions", "les liens féodo-vassaliques", "i rapporti feudo-vassallatici" или "das Lehnswesen". Надо сказать, что представлением об этих "феодо-вассальных институтах" или "отношениях" мы целиком обязаны предшествующей историографии. Вера в непогрешимость модели и историографический канон истолкования того, что в нее не вписывается, как местной специфики, не умаляющей правила, во многом выводят проблематику феодализма "в узком смысле слова" за рамки актуальной исторической критики в область несколько туманных историографических слухов.

Рейнолдс задается целью сопоставить данные источников об отношениях власти и собственности в средние века с понятиями феода и вассалитета, какие в ходу у историков. В ее поле зрения последовательно попадают материалы по средневековой истории Франции, Италии, Англии, Германии и попутно с ними – сепаратные национальные традиции толкования о феодализме. Автор желала бы решить, в какой мере феодал и вассалитет,

как их обычно понимают, составляют институты, исполненные того значения, которое им приписывается. Выводы Рейнолдс не страдают неопределенностью.

По ее мнению, расхожее понимание феодализма более связано с историографической традицией, нежели опирается на верифицируемое прочтение источников. Рассмотрение феодализма в узком значении феодального права было предопределено трудами ученых XVI в., которые извлекли из небытия составленную в Ломбардии в XII–начале XIII в. компиляцию “*Libri feudorum*”, где говорилось о праве собственности, называемой феодем, держатели которой именовались вассалами. Это средневековое схоластическое феодальное право, далекое от жизни и правовой практики, – скорее однофамилец, чем родственник того феодального права, которое развилось в новое время под флагом его рецепции.

Февдистам было естественно предполагать, что благородная собственность всегда называлась феодем, ибо так было в их время. Памятник, казалось, позволял составить представление о происхождении феодемов – из пожалований за военную службу, ставших наследственными. Помимо актуальных вопросов современности, “*Libri feudorum*” помогали осмыслить истоки национальной истории и социальную эволюцию в целом. Феодальное право было возведено в ранг особого вклада германских народов в европейскую историю и культуру. В свидетельствах Тацита о дружинном быте германцев видели раннюю форму вассалитета, тогда как феодед представлялся следствием расселения некогда бродячих германских племен на территории поверженной империи. В дальнейшем между этими двумя фазами вырисовался период алодиальной собственности, в продолжение которого знать имела земли на полном праве. Введение феодемов было отсрочено февдистами до времени Каролингов. Общая структура рассуждения выдержала все подновления, и вслед за феодальным правом скоро заговорили о феодальном правлении и феодальном обществе. Монтескье, Адам Смит, Маркс, более следуя этой древней традиции, чем современной им историографии, утвердили взгляд на средние века как на определенную стадию истории, время феодализма.

За средневековые понятия сегодня выдаются структуры интерпретации, изобретенные в XVI в. и детально разработанные в следующем столетии. Антиквары нового времени меньше нашего были осведомлены в истории средних веков и хуже себе представляли, как может быть организовано общество вообще. Тем не менее именно с их легкой руки феодед и вассалитет имеют репутацию архетипических форм землевладения и социального долга представителей господствующего класса средневековой Европы.

Возможно, в числе причин неуязвимости того, что автор называет “феодальной парадигмой”, сама архаичность модели анализа. Большинство исследователей феодеда и вассалитета фактически утверждают идентичность употребленного в источнике слова понятию, наших понятий – средневековым, слов и понятий – вещам. В предположении, что слова устойчиво представляют понятия и вещи, исследователями берутся траек-

тории слов. Их многозначность – ни для кого не секрет. Подразумевается, однако что слова обладают некими основными, сущностными значениями, разделяемыми всеми в первую очередь. Нет нужды говорить, насколько это противоречит правилам функционирования языка. В контексте отношений власти и собственности, точные и устойчивые определения могли исходить от правоведов, однако это не случай средневекового обычного права, делавшего попросту невозможной унифицированность словаря и значений слов. Вырывавшееся из железных объятий живой жизни – временами в область бесплотных абстракций – более синтетическое спекулятивное правоведение отчасти влекло за собой такую унификацию, но вместе с ней – усугубляющиеся расхождения между разными правовыми системами. Средневековые нотариусы и их клиенты едва ли придавали словам феодального лексикона ту символическую силу, какую отождествляют в них современные исследователи, будучи скорее сами подвержены магии поименования.

Анализ минует главное. Ориентация на отыскание институтов уводит от рассмотрения конкретных систем власти и правопорядка, которыми и обусловлены права и обязанности людей. Сами понятия феода и вассалитета в качестве исследовательских моделей, по мнению автора, никуда не годятся.

В особенности это касается вассалитета. Представление о вассалитете сложилось в те историографические времена, когда за средними веками отрицали политическую власть и всякое понятие о публичном. *Idea res publica* казалась тогда исключительным достоянием римской цивилизации, чуждой и слишком сложной для варваров. Предполагалось, что между падением Римской империи и возникновением современных государств Европа впадает в состояние “феодальной анархии”, когда частные связи личной верности остаются единственным паллиативом правопорядка. Стереотип феодо-вассальных институтов по сей день мешает в полной мере оценить публично-правовые основы общественной жизни средневековья. Историки слишком охотно рассматривают короля как высшего сеньора, ибо это согласуется с представлением о феодализме – хотя и труднодоказуемо для большинства королевств во многие периоды времени. Рейнолдс полагает, что понятием вассалитета нередко стремятся описать нормальные отношения между правителем и подданными.

Даже в сочинениях позднесредневековых юристов замечания о вассалах и вассалитете не подразумевают те нормы и ценности, которые всплывают в постсредневековых дискуссиях. Для основополагающих категорий социальных взаимоотношений в средние века, они обсуждаются слишком вяло и формулируются недостаточно эксплицитно. Средневековое феодальное право не истолковывает связь между сеньорами и их вассалами в терминах поземельных отношений. Держать феода еще не означает быть вассалом и наоборот. Пресловутое “соединение институтов вассалитета и феода”, поставленное исследователями в начало феодализма, принципиально не доказуемо. В многосложном мире у человека много поводов чувствовать себя обязанным. Мысль об изначально единствен-

ном сеньоре и лишь последующей профанации этой идеи в период, для которого доподлинно известно обратное, можно объяснить только нежеланием выскнуть в реально существующий политический пейзаж. На место старинного романтического верования в сугубо личный, добровольный, договорный характер вассалитета, автор ставит идею коллективных и имплицитных соглашений, оставляющих той и другой стороне мало пространства для маневра. Априорным ей кажется мнение, что вассальные службы – прежде всего военные, а военные люди – по преимуществу вассалы в том смысле, какой обычно вкладывается в это слово. Едва ли не все средневековые общества отличают развитое социальное неравенство и авторитаризм, однако представления о вассалитете как роде отношений в среде поставленной над простонародьем знати подразумевает наличие в обществе разграничительной линии, которую в действительности бывает очень трудно провести.

Не подвергая сомнению значение личных связей в средние века, Рейнолдс, тем не менее, убеждена в необходимости положить предел стремлениям втиснуть все их в монолитную концепцию вассалитета. Последняя напоминает автору черную дыру. Под вывеской вассалитета проходят непоставимые природы и нормы отношений между правителем и подданным, патроном и клиентом, землевладельцем и держателем, нанимателем и слугой, военным предводителем и солдатом. Трудно предполагать наличие их универсального правила. Если желать продвинуться в понимании сути дела, надо оставить слово “вассалитет” и изучать конкретные системы межличностных и коллективных отношений и ценностей. В широком спектре служб играет роль не материализующаяся идея вассалитета, а статус сторон, социальная дистанция между ними и то, что им друг от друга нужно.

Вопрос о феоде кажется, по крайней мере, более предметным. Между тем нет никакой возможности и смысла рассматривать бенефиции каролингского времени и феодалы XIII–XIV вв. как воплощения одного института, коль скоро они существуют в таких разных правовых и политических контекстах. Права и обязанности, связанные с обладанием собственностью, диктуются условиями существования в рамках системы власти и правопорядка. Судя по всему, понятие феодала изначально оказалось сопряжено с другим представлением о собственности. Согласно ему, собственность естественно принадлежит человеку и ни к чему его не обязывает. Отсюда раздачи земельных пожалований, специально обусловленных службой, и могли быть сочтены универсальным инструментом социального строительства в средние века. Данного взгляда на собственность никто из исследователей давно не придерживается. Собственность – то, что общество при определенном стечении обстоятельств признает таковой, иными словами, условна по своей сути.

По свидетельству автора, на протяжении большей части средневековья аллод и феодал не противопоставлялись как некие альтернативные формы землевладения. Рейнолдс полагает, что по меньшей мере до XII в. в целом преобладал единый взгляд на собственность свободных людей. Она

предстает неизменно полной, свободно наследуемой и отчуждаемой. Собственность могущественных лиц объективно более полна и свободна. Маленькому человеку труднее отстоять свои права. Тем не менее в принципе они у всех одинаковы. Все права защищает один обычай, все они подчинены единым или сходным социальным ценностям и контролю. Эти права, воспринимаемые как полные, реально ограничены в двух отношениях: во-первых, параллельно существующими правами наследников и родни; во-вторых, прерогативами публичной власти.

Полная собственность в этот период создавала базу общественного порядка, при котором все другие поземельные отношения играли подчиненную роль. К существующей системе землевладения и социального долга земельные пожалования фактически не добавляли ничего принципиально нового. Если случалось, что с переданной земли полагалась служба, по своему объему и характеру она не отличалась от той, которую несли владельцы унаследованной земли. Когда земля переходила в руки свободного человека, с течением времени ее начинали воспринимать как свою собственную, и обычное право закрепляло эти новые права. Представление о полной собственности, мистической интимной связи лиц и вещей, естественно распространялось на сделанные однажды земельные пожалования. Сведения о неполных пожалованиях лучше известны из практики управления церковными поместьями. Приверженные идее неотчуждаемости церковных земель, аббаты и епископы не мирились с угрозой превращения пожалований в полную собственность. Рейнолдс доказывает, что только церковь вырабатывает в этом вопросе особые нормы, призванные воспрепятствовать такому развитию событий. Данные нормы, создававшие подобие феодального держания, неправомерно отождествлять с обычаями мирян. Именно эти правила в управлении собственностью, которые впервые были апробированы церковными учреждениями, оказались впоследствии восприняты творцами феодального права и новой политики королевской власти.

В той мере, в какой некоторое подобие феодо-вассальных отношений в Европе действительно возникло, это оказалось сопряжено отнюдь не с ослаблением политического правления в IX или XI в. По словам Рейнолдс, феодализм – дело рук политической власти, продукт тех важных инноваций в государственном управлении и праве, которые развивались начиная с XII в. При этом традиционная модель феодо-вассальных отношений слишком схематична и утрирована даже для этого периода.

Суть перемен в правовой культуре средневековых обществ после 1100 г. автор понимает как переход от имманентного и разноречивого обычного права раннего средневековья к более эзотеричному и унифицированному профессиональному праву последующих столетий. Новый профессионализм стремился рационализировать хитросплетения обычного права, оформить их в более или менее когерентные правила. Впервые в Италии в конце XI в. возник новый род правоведов, которые стали изучать документы и выводить из них дистинкции. Помимо прочего, они кажутся озабоченными выработкой правил и определений, которые

объясняли бы практику условных земельных пожалований, называемых феодами. В стремлении, пусть схоластически, но рационально и убедительно представить обязанности держателя, правоведы впервые сформулировали мысль о разделении прав на феоде между владельцем и собственником.

Новое спекулятивное правоведение идет рука об руку с новой политикой более эффективной королевской власти. С начала XII в. новые методы политического управления, новые виды правовой аргументации налагали более регулярные обязанности на собственность влиятельных лиц. Последняя отныне квалифицируется словом "феод". Феоде XII и последующих столетий – нечто принципиально отличное от того рода держания, которое называли феоде прежде, и от прежней собственности знати, которая обычно феоде не называлась. Он возникает не вследствие реального перераспределения земли, а путем создания новых правовых определений. Единственный смысл превращения собственности знати в феоде заключается в признании ею нового политического подданства. Ответный жест власти, признание особого статуса благородного землевладения, не столько выдает бессилие последней перед лицом баронов, сколько отражает благоразумно усвоенный способ господствовать над разными людьми, включая людей влиятельных и поэтому опасных, с которыми стоит считаться. Особые свободы и привилегии даются тем в обмен на клятву верности и некоторый род военной поддержки. Тот же контроль над держателями феоде призваны символизировать инвеститура и рельефы, уплачиваемые при вступлении во владение. У принимающих эти правила игры, очевидно, не было большого выбора. Вместе с тем нельзя утверждать, что феоде изначально мыслится ими более низким родом собственности. Вероятно, само подчинение воспринималось как почетное, поскольку касалось избранного круга лиц. Именно в этот период и в этих политических обстоятельствах обладание феоде сделалось атрибутом человека свободного и знатного происхождения. На фоне нового видения феоде происходит переосмысление старинного понятия алода. Брошенное Бомануаром замечание о том, что алоде свободен от обязанностей в отношении кого-либо, лежит у истоков мифа об алоде как абсолютной собственности – совершенный нонсенс с точки зрения того древнего права, в котором алоде являлся естественным основанием социального долга. Только теперь разные права и обязанности начинают ассоциироваться с разными словами. Более систематические и действенные политическая власть и правовая теория производят более систематические и действенные общественные идеалы.

Итальянский материал дает наиболее отчетливые примеры воплощения нового права и новой власти. Такова политика Фридриха Барбароссы в отношении итальянских городов, такова политика итальянских городов в отношении окрестных нотаблей. В других регионах конкретные пути утверждения нового порядка вещей, случается, менее ясны. Англия демонстрирует лучший образец связи между феоде и военной службой вкупе с иерархией земельных прав – единственный случай, когда старинная мо-

дель феодо-вассальных институтов может быть использована без существенной переинтерпретации. Однако и к Англии, где феодальные обязанности существуют в условиях сильной и бюрократизированной политической власти, она приложима лишь в части положений.

Рассмотренные британской исследовательницей понятия вассалитета и феода рисуются сугубым творением февдистов нового времени. Эти историографические окаменелости влекут за собой шлейф архаических представлений о средневековье и обществе в целом. Итог книги – полное отвержение первого и ревизия второго. Еще меньше оснований придерживаться существующего взгляда на “соединение феода и вассалитета”: и на историю феодализма “в узком мысле слова”, которая видится автору не столько органическим развитием неких традиционных ценностей и отношений, сколько их палимпсестом¹.

¹ См. также: *Giordanengo G. Le droit féodal dans les pays de droit écrit. L'exemple de la Provence et du Dauphiné, XIIIe – début XIVe siècle. Roma, 1988*

И.В. Дубровский

J. Le Goff

Saint Louis: Bibliothèque des Histoires.
Paris: Gallimard, 1996.

Монография Жака Ле Гоффа о Людовике IX Святом, великом правителе XIII в., даже по своим формальным параметрам может рассматриваться как событие в новейшей историографии. Во-первых, априорный интерес к работе вызывает само имя автора – бесспорного классика современной медиевистики, властителя умов не одного поколения историков и гуманитариев. Во-вторых, внимания заслуживает и тот факт, что замысел исследования и работа над ним заняли весьма долгий период времени – около 15 лет¹, и уже поэтому его можно рассматривать как особый этап научной биографии Ж. Ле Гоффа. Об этом прямо свидетельствует и обращенный к образу Людовика горячий энтузиазм автора, свидетельство чему мы находим и в предварявших появление книги публикациях; он буквально пронизывает и текст финального исследования. В-третьих, обстоятельством не просто примечательным, но и прямо провоцирующим, кажется и сам жанр исследования – историческая биография; жанр, который в силу своих канонических формальных параметров долгое время казался вполне чуждым проблематике и исследовательской стратегии “Анналов”.

Последнее обстоятельство кажется особенно примечательным и открывает путь к пониманию истинного масштаба притязаний исследования. Выбор Ж. Ле Гоффом “консервативного” жанра не означает возвращения “возмутителя спокойствия” в русло конвенционального академического исследования. Напротив, этот шаг вызван стремлением к взлому